

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕХОДЫ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ГЛАГОЛОВ РЕЧИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НА МЕТАФОРИЗАЦИЮ

И. В. Яковлева

Ульяновский государственный университет, Ульяновск
irinadubrov@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию грамматических ограничений на вид глагола в конструкциях с глаголами речи в русском языке, требующих заполнения валентности темы / содержания. Особенно ярко такие ограничения проявляются при осуществлении семантических переходов. Рассматриваемый семантический переход сводится к употреблению предикатов из различных донорских областей (каузации перемещения, звука и т. п.) в конструкциях, характерных для глаголов речи. При этом глаголы совершенного вида, обозначающие события, в целом лучше встраиваются в характерные для глаголов речи конструкции с прямой речью и придаточным изъяснительным. Конструкция с прямым объектом оказывается наиболее нейтральной в аспектуальном отношении, в то время как предложные конструкции с *о / про* допускают преимущественно глаголы несовершенного вида. Рассматриваемые аспектуальные ограничения становятся особенно заметными в условиях семантического перехода, поэтому исследование метафорических употреблений может способствовать выявлению таких семантических различий, которые оказываются неочевидными при изучении противопоставлений непосредственно в пределах одного семантического поля.

Ключевые слова: семантический сдвиг, метафора, метонимия, глаголы каузации перемещения, глаголы отделения, глаголы речи.

The semantic shifts in the lexical domain of Russian speech act verbs grammatical constraints on metaphorization

I. V. Iakovleva

Ulyanovsk State University, Ulyanovsk
irinadubrov@gmail.com

Abstract. This study is devoted to aspectual constraints on Russian speech act verbs constructions. Semantic shifts make these constraints more prominent. In this article we study two types of semantic shifts caused by different semantic processes (metaphor, metonymy, rebranding). The first deals with the use of predicates from different source domains in constructions typical for speech act verbs: direct speech, complement clause, direct object, and prepositional constructions with *o/pro* ('about'). The semantic shift of the second type enables speech act verbs to take a non-agent subject. As for the semantic shift of the first type, perfective verbs denoting achievements build into direct speech constructions and complement clause construction better than imperfective process verbs. In addition, direct speech constructions seem to enjoy the highest "popularity" among borrowed predicates, being the most indifferent with respect to the speech act content. Complement clause constructions, by contrast, focus, to a certain degree, on the content of the speech act, contrary to the function of borrowed verbs in the recipient domain, as such verbs concentrate on the manner of speech rather than on the content of the speech act. Direct object constructions are the most aspectually neutral, while the targeted prepositional constructions do show some aspectual constraints, whereby imperatives build into them easier than perfectives. Due to certain semantic constraints of these prepositional constructions, only verbs of sound can build into them. As a result of very strong aspectual constraints emerging with the semantic shift of the second type, only process imperfectives can take a non-agent subject. To sum up, the semantic shifts under study are subject to aspectual constraints brought about by the co-occurrence of the basic speech act verbs *govorit* ('to speak') and *skazat* ('to say').

Keywords: semantic shift, metaphor, metonymy, verbs of caused motion, verbs of separation, verbs of sound, speech act verbs.

1. Постановка задачи и предшествующие исследования

Данная статья посвящена ограничениям, которые определенные конструкции с глаголами речи накладывают на вид глагола. Известно, что глагол *говорить* имеет перфективный коррелят *сказать* не во всех значениях [Евгеньева (ред.) 1999]. Исключения составляют следующие значения: 'иметь предметом обсуждения', 'общаться', 'означать' [Зализняк 2013: 155]. Следовательно, глагол *сказать* не способен встраиваться, например, в конструкцию с предложной группой с + Твор., заполняющей валентность адресата. Это тривиальное следствие расхождения в составе значений внутри аспектуальной пары. Наше внимание сконцентрировано на тех конструкциях, в которых способны употребляться оба представителя данной видовой пары: это конструкции с прямой речью и предложной группой *о* + Предл. / *про* + Вин. Анализ употребления рассматриваемых предикатов в данных конструкциях позволяет предположить, что эти конструкции, тем не менее, накладывают определенные ограничения на вид глагола, причем эти ограничения проявляются особенно ярко в случае метафоризации. Рассматриваемый семантический переход сводится к употреблению глаголов каузации перемещения, физического воздействия, звука и т. п. в конструкциях, характерных для глаголов речи, как в примере (1):

- (1) «Ну, значит, я была права, — торжественно заявила она своей соседке, а мне **бросила**: — Вы свободны». [Людмила Гурченко. Аплодисменты. (1994–2003)]

Данная задача оказывается тесно связанной с вопросом об особенностях употребления предлогов *о* и *про* при глаголах речи в русском языке. При сопоставлении этих двух конструкций принято говорить об их синонимичности [Золотова 2001: 336–337]. Действительно, их взаимозамена возможна в большинстве случаев, однако, как показывают данные Национального корпуса русского языка, существуют употребления, которые подобную взаимозамену исключают [Яковлева 2014].

Исследование семантики русского глагола тесно связано с аспектуальной проблематикой. Некоторые грамматические особенности употребления предикатов определяются их таксономическим классом, а также оказываются обусловленными их принадлежностью к определенному семантическому полю [Падучева 2004].

Не менее значимой в этой связи оказывается проблематика видовых пар и инвариантных характеристик видового значения [Гловинская 1982; Падучева 2004]. При таком подходе каждая из двух видовых форм имеет некоторый семантический инвариант, при этом форма совершенного вида всегда описывает ситуацию изменения, а форма несовершенного вида представляет ситуацию во временном развитии [Падучева 2004: 24]. При описании грамматических ограничений на рассматриваемые семантические переходы мы будем придерживаться такой трактовки инвариантов видовых значений.

В нашем исследовании мы опираемся на подход Московской семантической школы к описанию семантики предикатов не изолированно, а в составе моделей управления. Такой подход позволяет объяснить семантические ограничения на сочетаемость предикатов того или иного вида с определенным синтаксическим окружением. Близкими нам оказываются и идеи грамматики конструкций, предложенной Ч. Филлмором и П. Кеем [Fillmore, Kay, O'Connor 1988] и разрабатываемой А. Гольдберг [Goldberg 1995], М. Фрид, Дж. Эстманом [Fried, Östman. 2004], Дж. Лейно [Leino, Östman. 2005], Е. В. Рахилиной [Рахилина 2010] и многими другими исследователями. Как известно, конструкционный подход позволяет изучать семантику глагольных лексем посредством анализа конструкций, в которые они способны встраиваться.

Обращаясь непосредственно к семантике глаголов речи, необходимо отметить, что для ряда европейских языков (английский, шведский, немецкий) данные лексические системы описывались с опорой на разработанный А. Вежбицкой естественный семантический метаязык, состав которого, однако, может оказаться неэлементарным [Wierzbicka 1987; Harras, Winkler 1994; Burenhult 1999]. Семантическое поле глаголов речи в английском языке детально рассматривалось в работах [Sweetser 1987; Traugott 1991]. Что касается русского языка, особую ценность для нашей работы имеют исследования Московской семантической школы, в частности, уже упоминавшееся детальное описание семантики глагола *говорить* [Зализняк 2013] и общий анализ семантики глаголов речи [Гловинская 1982], а также данные «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» [Апресян (ред.) 2003] и др.

Исследование базируется, в первую очередь, на данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ), поскольку сбалансированные языковые корпуса являются надежным источником

отсутствующих в словарях статистических данных, в частности, о метафорических употреблениях предикатов.

2. *Говорить и сказать*

Как уже отмечалось выше, глагол *сказать* часто рассматривается как видовой коррелят глагола *говорить*. При этом разница в сочетаемости данных глаголов проявляется даже в тех конструкциях, в которых способны употребляться оба предиката. Несмотря на, казалось бы, более узкую сферу употребления (см. упомянутые выше выделенные Анной А. Зализняк значения глагола *говорить*, в которых он не имеет перфективного коррелята *сказать* [Зализняк 2013: 155]), глагол *сказать* в целом оказывается более частотным [Ляшевская, Шаров 2009]. При этом глагол *сказать* вводит прямую речь в приблизительно в 238 тыс. случаев (40,4 % от всех употреблений), а глагол *говорить* в 112 тыс. контекстов (23 % от всех употреблений). Такое различие обусловлено тем, что рассматриваемая структура чаще всего описывает уже свершившееся действие, и именно глагол *сказать*, являясь перфективным коррелятом глагола *говорить*, обозначает в акциональном отношении событие и оказывается «привязанным» к прошедшему времени, как показано в [Рахилина (ред.) 2010: 36].

Конструкция с придаточным изъяснительным с союзом *что* оказывается в этом смысле значительно менее специализированной: глагол *сказать* вводит придаточное изъяснительное с союзом *что* в 62 тыс. случаев (11 % от всех употреблений данного глагола), а соответствующие употребления с глаголом *говорить* насчитывают 48 тыс. контекстов (9 % от всех употреблений). Как показывает Е. Н. Никитина, для видовой пары *писать* — *написать* [Никитина 2014: 77] несовершенный вид делает акцент на содержании речи, и, вероятно, подобной функцией концентрации на содержании, а не на обстоятельствах самого акта речи обладает и конструкция с придаточным изъяснительным. В результате глагол несовершенного вида легче встраивается в конструкцию с придаточным изъяснительным, чем в конструкцию с прямой речью. Этим и объясняется меньший разброс видо-временных форм и, соответственно, более ровное распределение глаголов *говорить* и *сказать* в предложениях с союзом *что*.

В то же время именно глагол *говорить* «притягивается» к конструкциям с предложными группами *о* + *Предл.* / *про* + *Вин.*

НКРЯ насчитывает 40150 случаев употребления глагола *говорить* в рассматриваемых конструкциях (8,25 % от всех употреблений), в то время как количество подобных употреблений глагола *сказать* составляет 7060 вхождений (1,2 %). Как и в рассмотренном выше случае, подобное различие в сочетаемости исследуемых предикатов связано с их видовыми различиями и принадлежностью к разным акциональным типам. Глагол *говорить* обозначает процесс, в то время как его перфектный коррелят *сказать* обозначает событие. Именно поэтому значение 'иметь предметом обсуждения', реализующееся в конструкциях с предложными группами *о + Предл. / про + Вин.* развивается именно у глагола *говорить*.

В целом, и для глагола *говорить*, и для глагола *сказать* более частотной оказывается конструкция с предлогом *о*. По данным НКРЯ для глагола *говорить* на эту конструкцию приходится 37362 употребления (93 % от всех употреблений с предлогами *о* или *про*), а для глагола *сказать* — 5629 контекстов (80 % от всех употреблений с рассматриваемыми предлогами). Соответственно, на конструкцию с предлогом *про* для глагола *говорить* приходится 2789 употреблений (7 % от всех контекстов с предлогами *о* или *про*), а для глагола *сказать* эта цифра составляет 1431 контекст (20 %). Исходя из вышесказанного, мы можем утверждать, что глагол несовершенного вида *говорить* обнаруживает несколько большее тяготение к конструкции *о + Предл.*, чем глагол несовершенного вида *сказать*, и эта разница явно не покрывается контекстами с неагентивным субъектом, в которых предложная группа *про + Вин.* невозможна (около 4000 контекстов). Интересным представляется также тот факт, что устный корпус НКРЯ дает сходную картину сочетаемости глаголов *говорить* и *сказать* с предложными группами *о + Предл.* и *про + Вин.* Количество употреблений глагола *говорить* с предлогом *о* насчитывает 3368 контекстов (89 % от всех употреблений данного глагола с предлогами *о* или *про*), а для глагола *сказать* эта цифра составляет 502 употребления (75,5 %). Соответственно, на конструкцию *про + Вин.* приходится 417 употреблений глагола *говорить* (11 %) и 163 контекста для глагола *сказать* (24,5 %).

Все это дает нам основание полагать, что разница между конструкциями *о + Предл.* и *про + Вин.* при глаголах речи имеет не столько стилистический, сколько семантический характер. Дело в том, что семантика предложной конструкции *о + Предл.*

подразумевает сосредоточенность на теме сообщения, в то время как семантика предложной конструкции *про + Вин.* допускает введение дополнительной информации, непосредственно не связанной с темой сообщения, но ассоциирующейся у говорящего и адресата с упоминаемым объектом [Яковлева 2014]. Именно поэтому вторая конструкция часто используется в номинативной функции в разговорной и детской речи. Об этом свидетельствуют, в частности, особенности употребления предложной группы *про + Вин.* в номинативной функции при предикатах, которые не являются непосредственно глаголами речи, но примыкают к ним. Среди них глагол *спеть*, который по данным НКРЯ оказывается «привязанным» к конструкции *про + Вин.*: с предлогом *про* он встречается 38 раз, а с предлогом *о* — только 12., ср. пример (2) из Корпуса устной речи НКРЯ (старая версия):

- (2) Ну/ спеть про в... про "... в высоту" / да? [Владимир Высоцкий. Выступление перед работниками Государственного центрального театра кукол, Москва // Интернет, 1973]

Предложная конструкция *про + Вин.* в номинативной функции часто встречается и при глаголе *почитать*, особенно когда речь идет о совместном чтении вслух. НКРЯ насчитывает 24 употребления этого глагола с предлогом *про* и 20 употреблений с *о*. Подобное тяготение к конструкции *про + Вин.* в номинативной функции в целом обнаруживается именно у глаголов совершенного вида. Глаголы несовершенного вида тяготеют к предложной группе *о + Предл.*, и это может быть обусловлено некоторым совпадением их семантики: предложная группа *о + Предл.* подразумевает сосредоточенность на теме сообщения, и, как уже упоминалось выше, именно акцент на содержании сообщения привносит в конструкцию глагол речемыслительного действия несовершенного вида. Так, количество употреблений глагола *петь* с предлогом *о* заметно превышает количество употреблений данного глагола с предлогом *про* (354 и 205 контекстов соответственно). То же самое мы можем сказать и о глаголе *читать* (793 употребления с предлогом *о* и 419 контекстов с предлогом *про*).

Таким образом, можно предположить, что многие глаголы, метафорически употребленные вместо базовых глаголов речи, перенимают грамматические (аспектуальные и синтаксические) свойства последних. Рассмотрим процесс такого перехода более подробно.

3. Переход в семантическое поле глаголов речи

Семантическая группа глаголов речи весьма неоднородна. К собственно глаголам речи, также имеющим центр и периферию [Зализняк 2013: 152–155; Кобозева 1985], примыкают глаголы других семантических классов, обнаруживающие способность к семантическому переходу в лексико-семантическое поле глаголов речи, особое место среди которых занимают глаголы каузации перемещения, такие как *бросить*, *обронить* и т. д. Подобной способностью обладают также некоторые глаголы физического воздействия (*отрезать*, *отрубить*, *молоть*, *корезжить* и т. д.) и глаголы звука (*скрипеть*, *вздыхать*, *щебетать*, *мурлыкать* и т. п.).

3.1. Глаголы каузации перемещения

Рассмотрим нашу гипотезу о «притягивании» глаголов совершенного вида конструкцией с прямой речью на примере глаголов каузации перемещения. Валентность содержания при данных глаголах может заполняться прямым объектом, придаточным изъяснительным с союзом *что*, а также прямой речью. В русском языке рассматриваемый семантический переход легче всего совершают глаголы каузативного перемещения по воздуху при помощи руки. Эти глаголы можно подразделить на предикаты, обозначающие контролируемое либо неконтролируемое действие, с одной стороны, и допускающие пассивность или активность объекта, с другой стороны. Так, глаголы *бросать* и *кидать* подразумевают намеренность, контролируемость действия со стороны агенса, а глаголы *ронять*, *обронить*, *проронить* характеризуются утратой агенсом контроля над ситуацией. При этом все указанные глаголы относятся к группе глаголов бесконтактного перемещения в терминологии Г. И. Кустовой [Кустова 2004: 155], в то время как для глаголов контролируемого перемещения (*ставить*, *класть*), семантика которых подробно рассматривается в работе [Кустова 2004: 122–155], семантический переход в лексико-семантическое поле глаголов речи не характерен.

Наиболее легко рассматриваемый семантический переход происходит с видовой парой *бросить* / *бросать*. При глаголе совершенного вида *бросить* валентность содержания может выражаться всеми перечисленными выше способами: прямым объектом, придаточным изъяснительным с союзом *что*, а также прямой речью. По данным НКРЯ, количество контекстов, в которых данный глагол

вводит прямую речь, составляет 858 вхождений (92 % от всех употреблений данного глагола в семантическом поле глаголов речи). Что касается глагола *бросать*, который также способен встраиваться во все конструкции, доступные для глаголов каузации перемещения, в семантическом поле глаголов речи, в НКРЯ насчитывается 158 случаев употребления данного глагола в конструкции с прямой речью (80 % от всех употреблений данного глагола в семантическом поле глаголов речи). Остальные употребления глаголов *бросить* и *бросать* приходятся на конструкцию с придаточным изъяснительным с союзом *что* (по данным НКРЯ, для глагола *бросить* это 18 контекстов, т. е. 1,9 % от всех употреблений в рассматриваемом семантическом поле и 4 вхождения для глагола *бросать*, т. е. 2 % от всех употреблений) и конструкцию с прямым объектом (для глагола *бросить* это 61 контекст, т. е. 6,5 % от всех употреблений, и 36 вхождений для глагола *бросать*, т. е. 18 %).

Подобную картину мы наблюдаем и при анализе метафорических употреблений глаголов *кинуть* и *кидать*, которые совершают анализируемый семантический переход значительно хуже рассмотренных выше глаголов, в частности, они не обнаруживают способности присоединять придаточное изъяснительное с союзом *что*. В НКРЯ насчитывается 79 употреблений глагола *кинуть* в конструкции с прямой речью (96,3 % от всех употреблений в функции глаголов речи, в то время как для глагола *кидать* эта цифра составляет 14 вхождений (74 %). Остальные употребления приходятся на конструкцию с прямым объектом: это 3 контекста для глагола *кинуть* (3,7 %) и 5 вхождений для глагола *кидать* (26,3 %).

Мы видим, что во всех конструкциях с прямой речью количество употреблений глаголов совершенного вида превышает количество употреблений глаголов несовершенного вида. В целом у глаголов каузации перемещения в функции глаголов речи на данную конструкцию приходится значительно больший процент от всех употреблений, чем у базовых глаголов *говорить* и *сказать*. Это легко объясняется тем, что сфера употребления глаголов каузации перемещения в данной функции естественным образом оказывается гораздо более узкой, чем у глаголов *говорить* и *сказать*. С этой точки зрения показательной представляется не только разница в проценте употребления глаголов совершенного и несовершенного вида в конструкции с прямой речью, но и непосредственно количественная разница. Именно то, что глаголы совершенного

вида как бы «притягиваются» конструкцией с прямой речью, обуславливает значительно более высокую способность глаголов совершенного вида к переходу в семантическое поле глаголов речи. Так, для глагола *бросить* общее количество употреблений в данной семантическом поле составляет 937 вхождений, в то время как для глагола *бросать* — всего 198. На глаголы *кинуть* и *кидать* подобных употреблений приходится 82 и 19 контекстов соответственно.

Интересно также отметить, что конструкция с придаточным изъяснительным при глаголах каузации перемещения оказывается значительно менее частотной, чем конструкция с прямой речью. Это может быть связано с тем, что конструкция с придаточным изъяснительным делает акцент на содержании сообщения, что плохо согласуется с функцией предикатов каузации перемещения в семантическом поле глаголов речи. Эти глаголы, как правило, призваны подчеркнуть особый характер действия, например, быстроту, резкость, агрессивность, а отнюдь не концентрировать внимание на содержании сообщения.

3.2. Глаголы отделения

Проверим нашу гипотезу о видовых ограничениях метафорических глаголов речи на примере глаголов отделения. Эти глаголы обнаруживают наибольшую способность к переходу в семантическое поле глаголов речи, поскольку их семантика, так же как и семантика рассмотренных в предыдущем разделе глаголов перемещения по воздуху, неплохо согласуется с распространенным метафорическим представлением о слове как об отделяемом и передаваемом объекте, что позволяет сделать акцент на содержании речи. В результате такие глаголы, как *отрезать*, *отрубить*, чаще других глаголов физического воздействия употребляются в конструкциях, характерных для глаголов речи. Они относительно легко встраиваются не только в конструкцию с прямой речью (в которой валентность содержания выражается дополнительным предложением), но и в конструкцию с придаточным изъяснительным с союзом *что*, требующей от предикатов донорских областей более глубокого проникновения в семантическое поле глаголов речи:

- (3) *Ерофеев сухо отрезал, что Лен не имеет к этому ни малейшего отношения.* [Н. Шмельникова. Последние дни Венедикта Ерофеева (2002)]

Рассматриваемые видовые ограничения действуют как в конструкции с прямой речью, так и в конструкции с придаточным изъяснительным. Количество употреблений глагола совершенного вида *отрѣзать* в конструкции с прямой речью в НКРЯ насчитывает 900 контекстов, в то время как его видовой коррелят несовершенного вида *отрѣзать* — только 15. Схожим образом, по данным НКРЯ, ведет себя и менее употребительный в данном семантическом поле глагол *отрубить*. В конструкции с прямой речью форма совершенного вида *отрубить* встречается более 60 раз, а форма несовершенного вида *отрубать* — 2 раза. Частотность других глаголов данной донорской области оказывается значительно ниже.

В конструкции с придаточным изъяснительным количество употреблений глагола совершенного вида *отрѣзать* насчитывает в НКРЯ 5 контекстов, в то время как его коррелят несовершенного вида *отрѣзать* представлен только одним примером.

Что касается глагола *отрубить*, НКРЯ содержит только 1 пример его употребления в конструкции с придаточным изъяснительным, при этом его видовой коррелят *отрубать* подобной способности не обнаруживает.

3.3. Глаголы звука

Глаголы звука в семантическом плане, на первый взгляд, оказываются значительно ближе к глаголам речи, чем предикаты каузации перемещения и физического воздействия. Семантика и сочетаемостные свойства глаголов звука неоднократно подвергались самому тщательному анализу [Падучева 2004; Rakhilina 2010] и др. В данной группе выделяются глаголы, описывающие звуки неодушевленных объектов (*скрипеть*, *грохотать*, *греметь*), и предикаты, описывающие звуки живых существ (*хрипеть*, *рычать*). Особый интерес для нас представляют глаголы звуков животных, поскольку они демонстрируют уникальную способность встраиваться в предложные конструкции *о + Предл.* и *про + Вин.*:

- (4) *Ира и Бобка не спали — успокаиваясь помаленьку, сидели на диване и ворковали о чем-то вполголоса.* [В. Рыбаков. Трудно стать Богом. (1996)]

Нас интересуют не просто случаи, когда человек выступает в качестве источника звука при таких глаголах, а именно те контексты, в которых глаголы звуков животных используются для

передачи семантически значимой речи и употребляются в конструкциях, требующих заполнения валентности содержания / темы сообщения. Поэтому контексты, в которых глаголы звуков животных метафорически обозначают нечленораздельную речь, не учитываются. Рассмотрим предикаты *шипеть*, *прошипеть*, *ворковать* и *проворковать*. Вопреки нашим ожиданиям, они встраиваются в характерные для глаголов речи конструкции отнюдь не чаще предикатов из других донорских областей. В конструкции с прямой речью глаголы *шипеть* и *ворковать* встречаются 306 и 45 раз соответственно, при этом для глаголов совершенного вида *прошипеть* и *проворковать* насчитывается 561 и 44 контекста. В конструкции с придаточным изъяснительным для глаголов *шипеть* и *прошипеть* в НКРЯ насчитывается всего 7 и 3 вхождения, а для глаголов *ворковать* и *проворковать* — 2 и 1 вхождение соответственно.

Дело в том, что здесь наблюдается некоторое противоречие между семантикой самих предикатов и семантикой принимающих конструкций. Предикаты, передающие сходство человеческого голоса с каким-либо звуком, обнаруживают тенденцию к описанию действия как процесса, в то время как в конструкции с прямой речью и придаточным изъяснительным легче встраиваются новые глаголы совершенного вида, обозначающие события. В результате, количество случаев употребления данных глаголов в конструкции с прямой речью остается незначительным по сравнению с предикатами из других донорских областей, при этом для отдельных глаголов, например, *ворковать* и *проворковать*, наблюдается некоторое нарушение общей тенденции к превалированию форм совершенного вида в данной конструкции, а примеры употребления рассматриваемых предикатов в более чувствительной к глагольной семантике конструкции с придаточным изъяснительным можно назвать единичными. Что касается предложных конструкций, глагол *ворковать* оказывается едва ли не самым частотным. В конструкции с предлогом *о* он встречается 16 раз, а в конструкции с предлогом *про* — 5 раз, в то же время глагол совершенного вида *проворковать* такой способностью не обладает. В предложных конструкциях доминируют предикаты несовершенного вида. При этом конструкция с предлогом *о* является в некотором роде доминирующей конструкцией, способной принимать новые глаголы. Как было показано выше, базовые глаголы данного семантического поля *говорить* и *сказать* также до определенной степени тяготеют к конструкции с предлогом *о*.

4. Заключение

В целом, глаголы совершенного вида, обозначающие события, лучше встраиваются в характерные для глаголов речи конструкции с прямой речью и придаточным изъяснительным, чем глаголы несовершенного вида, обозначающие процесс. При этом конструкция с прямой речью легче принимает новые предикаты, чем конструкция с придаточным изъяснительным, поскольку последняя делает акцент на содержании сообщения, что плохо согласуется с функцией заимствованных предикатов в семантическом поле глаголов речи. Они, как правило, призваны подчеркнуть манеру речи, а отнюдь не концентрироваться на содержании сообщения. Конструкция с прямым объектом оказывается наиболее нейтральной в аспектуальном отношении, в то время как предложные конструкции с *о/про* допускают преимущественно глаголы несовершенного вида. Подобные противопоставления заложены уже в употреблении базовых глаголов данного семантического поля. Таким образом, видовые противопоставления в конструкциях с глаголами речи, намечающиеся при сопоставлении сочетаемости базовых глаголов *говорить* и *сказать*, становятся очевидными при исследовании семантических переходов в данном лексическом поле.

Литература

- Апресян 2003 — Ю. Д. Апресян (ред.). Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Гловинская 1982 — М. Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982.
- Евгеньева 1999 — А. П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1999.
- Зализняк 2013 — Анна А. Зализняк. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Золотова 2001 — Г. А. Золотова. Синтаксический словарь. М.: УРСС, 2001.
- Кобозева 1985 — И. М. Кобозева. О границах и внутренней стратификации семантического класса глаголов речи // Вопросы языкознания. 1985. № 6. С. 95–103.
- Кустова 2004 — Г. И. Кустова. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.

- Ляшевская, Шаров 2009 — О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009.
- Никитина 2015 — Е. Н. Никитина. Видо-временные формы рамочных глаголов в русском нарративе XIX–XXI вв. // Русский язык в научном освещении. 2014. № 2 (28). С. 58–81.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянских культур, 2004.
- Рахилина 2010 — Е. В. Рахилина (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010.
- Яковлева 2014 — И. В. Яковлева. Синонимичные предложные конструкции с точки зрения грамматики конструкций // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. X. Ч. 2. С. 220–247.
- Burenhult 1999 — N. Burenhult. PPs, particles and polysemy of a basic Swedish speech act verbs // Working Papers, Lund University, Dept. of Linguistics. 1999. Vol. 47. P. 5–23.
- Fillmore et al. 1988 — Ch. Fillmore, P. Kay, C. O'Connor. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The case of *Let Alone* // Language. 1988. Vol. 64. No. 3. P. 501–538.
- Fried, Östman 2004 — M. Fried, J.-O. Östman. Construction grammar: a thumbnail sketch // M. Fried, J.-O. Östman (eds.). Construction grammar in a cross-language perspective. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 11–86.
- Goldberg 1995 — A. Goldberg. Constructions: A construction grammar approach to argument structure. Chicago: The University of Chicago Press, 1995.
- Harras, Winkler 1994 — G. Harras, E. Winkler. A Model for Describing Speech Act Verbs: the Semantic base of a Polyfunctional Dictionary // W. Martin, W. Meijs, M. Moerland, E. ten Pas, P. van Sterkenburg, P. Vossen (eds.). Proceedings of the 6th Euralex Conference. Amsterdam: Euralex, 1994. P. 440–448.
- Leino, Östman 2005 — J. Leino, J.-O. Östman. Constructions and variability // M. Fried, H. C. Boas (eds.). Grammatical constructions: back to the roots. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2005. P. 191–213.
- Rakhilina 2010 — E. Rakhilina. Animal sounds: a human vantage point // Oslo Studies in Language. 2010. Vol. 2. No. 2. Russian in Contrast. P. 319–338.
- Sweetser 1987 — E. Sweetser. Metaphorical Models of Thought and Speech: a comparison of historical directions and metaphorical mappings in the two domains // J. Aske, N. Beery, L. Michaelis, H. Filip. (eds.). Proceedings of the Thirteenth Annual Meetings of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley; Berkeley Linguistics Society, 1987. P. 446–459.
- Traugott 1991 — E. Traugott. English speech act verbs: a historical perspective // L. R. Waugh, S. Rudy (eds.). New Vistas in Grammar: Invariance

and Variation, Proceedings of the Second International Roman Jakobson Conference, New York University, Nov. 5–8, 1985 (Current Issues in Linguistic Theory 49). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1991. P. 387–406.

Wierzbicka 1987 — A. Wierzbicka, English speech act verbs: a semantic dictionary. Sydney: Academic Press, 1987.

References

- Apresyan 2003 — Yu. D. Apresyan (ed.). Novyy obyasnitelnyy slovar sinonimov russkogo yazyka [The new explanatory dictionary of Russian synonyms]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2003.
- Burenhult 1999 — N. Burenhult. PPs, particles and polysemy of a basic Swedish speech act verbs. *Working Papers*, Lund University, Dept. of Linguistics. 1999. Vol. 47. P. 5–23.
- Evgenyeva 1999 — A. P. Evgenyeva (ed.). Slovar russkogo yazyka: v 4-kh t. [Russian language dictionary: in 4 vol.]. Moscow: Russkiy yazyk, 1999.
- Fillmore et al. 1988 — Ch. Fillmore, P. Kay, C. O'Connor. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The case of *Let Alone*. *Language*. 1988. Vol. 64. No. 3. P. 501–538.
- Fried, Östman 2004 — M. Fried, J.-O. Östman. Construction grammar: a thumbnail sketch. M. Fried, J.-O. Östman (eds.). *Construction grammar in a cross-language perspective*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 11–86.
- Glovinskaya 1982 — M. Ya. Glovinskaya. Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavleniy russkogo glagola [The semantic types of Russian verb aspectual oppositions]. Moscow: Nauka, 1982.
- Goldberg 1995 — A. Goldberg. Constructions: A construction grammar approach to argument structure. Chicago: The University of Chicago Press, 1995.
- Harras, Winkler 1994 — G. Harras, E. Winkler. A Model for Describing Speech Act Verbs: the Semantic base of a Polyfunctional Dictionary. W. Martin, W. Meijs, M. Moerland, E. ten Pas, P. van Sterkenburg, P. Vossen (eds.). *Proceedings of the 6th Euralex Conference*. Amsterdam: Euralex, 1994. P. 440–448.
- Iakovleva 2014 — I. V. Iakovleva. Sinonimichnye predlozhnye konstruktсии s tochki zreniya grammatiki konstruktсии [The synonymous prepositional constructions from the Construction Grammar perspective]. *Acta Linguistica Petropolitana*. Vol. X. P. 2. P. 220–247.
- Kobozeva 1985 — I. M. Kobozeva. O granitsakh i vnutrenney stratifikatsii semanticheskogo klassa glagolov rechi [On the margins and inner stratification of the semantic field of speech act verbs] *Voprosy yazykoznanija*. 1985. No. 6. P. 95–103.

- Kustova 2004 — G. I. Kustova. *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derivative meanings and mechanisms of linguistic extension]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004.
- Leino, Östman 2005 — J. Leino, J.-O. Östman. Constructions and variability. M. Fried, H. C. Boas (eds.). *Grammatical constructions: back to the roots*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2005. P. 191–213.
- Lyashevskaya, Sharov 2009 — O. N. Lyashevskaya, S. A. Sharov. *Chastotnyy slovar sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsionalnogo korpusa russkogo yazyka)* [The Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (based on the Ruscorpora data)]. Moscow: Azbukovnik, 2009.
- Nikitina 2015 — E. N. Nikitina. *Vido-vremennye formy ramochnykh glagolov v russkom narrative XIX–XXI vv.* [Tense and aspect forms of frame verbs in Russian narrative in 19–21 c.]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2014. No. 2 (28). P. 58–81.
- Paducheva 2004 — E. V. Paducheva. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the lexical semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2004.
- Rakhilina 2010 — E. V. Rakhilina (ed.). *Lingvistika konstruktсии* [Linguistics of constructions]. Moscow: Azbukovnik, 2010.
- Rakhilina 2010 — E. Rakhilina. Animal sounds: a human vantage point. *Oslo Studies in Language*. 2010. Vol. 2. No. 2. Russian in Contrast. P. 319–338.
- Sweetser 1987 — E. Sweetser. Metaphorical Models of Thought and Speech: a comparison of historical directions and metaphorical mappings in the two domains. J. Aske, N. Beery, L. Michaelis, H. Filip (eds.). *Proceedings of the Thirteenth Annual Meetings of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 1987. P. 446–459.
- Traugott 1991 — E. Traugott. English speech act verbs: a historical perspective. L. R. Waugh, S. Rudy (eds.). *New Vistas in Grammar: Invariance and Variation, Proceedings of the Second International Roman Jakobson Conference, New York University, Nov. 5–8, 1985* (Current Issues in Linguistic Theory 49). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1991. P. 387–406.
- Wierzbicka 1987 — A. Wierzbicka. *English speech act verbs: a semantic dictionary*. Sydney: Academic Press, 1987.
- Zaliznyak 2013 — Anna A. Zaliznyak. *Russkaya semantika v tipologicheskoi perspektive* [Russian semantics from the typological perspective]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2013.
- Zolotova 2001 — G. A. Zolotova. *Sintaksicheskiy slovar* [The Syntactic dictionary]. Moscow: URSS, 2001.